

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

ИСКАТЕЛЬ СЛОВ (к 170-летию со дня рождения В. И. Даля)

Г. В. КАРПЮК
Москва

27 сентября 1872 г. в петербургской газете «Голос» была помещена корреспонденция, в которой сообщалось: «Из Москвы, 25 сентября. Сегодня хоронили Владимира Ивановича Даля. Едва ли найдется в России человек, жизнь которого была бы настолько разнообразна в своей деятельности, как жизнь покойного, и за-

ренних дел коллежский советник В. И. Даляр это признание России?

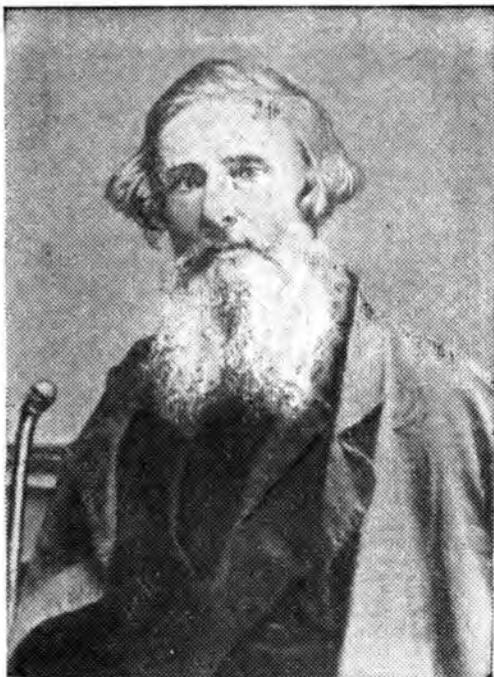
Владимир Иванович Даляр всю свою жизнь посвятил России, русскому народу, русскому языку, русскому слову. Силами этого своеобразного филолога без филологического образования был создан единственный по оригинальности и полноте словарь живого великорусского языка, включающий около 200 тысяч слов. В 1863 г. вышел в свет первый том этого бессмертного труда. После выхода первого тома академик М. П. Погодин выступил с заявлением, которое потрясло умы современников: «Словарь Даля кончен. Теперь русская академия без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Даля. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию».

Толковый словарь В. И. Даля оставался долгие годы, вплоть до выхода в свет «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, единственным авторитетным и завершенным справочником с богатейшими материалами по живому русскому языку.

Не случайно в 1947 г. В. И. Чернышев, названный акад. В. В. Виноградовым «одной из своеобразнейших и характернейших личностей в нашей отечественной науке о русском языке и в области методики обучения живому родному слову», писал: «Труды В. И. Даля, этого замечательного, оригинального и многостороннего деятеля в области изучения русского слова, и в наше время приносят великую пользу всем специалистам по русскому языку и русской народной словесности, а его Толковый словарь до сих пор необходим всем читающим и пишущим, которые желают правильно понимать и сознательно употреблять нашу родную русскую речь»¹.

Словарь, созданный Далем,— это увлекательнейшее чтение о сильном, метком, образном, простом и ясном русском языке. Раскрыв страницу любого тома словаря, погружаешься в

¹ В. И. Чернышев. Избранные труды. М., «Просвещение», 1970, т. I, стр. 386.

мечательно, что всюду, где только ни трудился этот человек, везде он оставил памятные по себе следы».

Чем же заслужил бывший воспитанник Морского корпуса, военный врач, окончивший Дерптский университет, получивший Владимирский крест с бантом за ратный подвиг, заведующий особой канцелярией министерства внут-

истинно русскую народную речь. Именно это качество словаря привлекло внимание В. И. Ленина: «Недавно мне пришлось,— к сожалению и к стыду моему, впервые — ознакомиться со знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...»². Отзыв В. И. Ленина о словаре следует рассматривать в сопоставлении с его оценками русских писателей. Не столь уж о многих произведениях нашей литературы Владимир Ильич отзывался с таких восхищением. В. Бонч-Бруевич в статье «Как работал Владимир Ильич вспоминал, что Ленин, читая Словарь Даля, «высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка»³. Это не случайно. В пословично-поговорочной фразеологии, обилии народных синонимичных форм, раскрывающих реальное значение слова, — очень много яркого, характеризующего красоту и выразительность русского слова. Все это сделало словарь В. И. Даля для всех пишущих настольной книгой не только на протяжении XIX в., но и в наши дни. Этим объясняется и то, что все более растет популярность словаря среди современных писателей. Не случайно в дискуссиях о языке, о допустимости того или иного слова в литературной речи, о значении народного слова, авторы статей довольно часто ссылаются на словарь Даля⁴.

I

Первую словарную запись Даляр сделал в 1819 г. восемнадцатилетним юношей, а последний IV том Толкового словаря вышел в свет в 1866 г. Эти две даты говорят о том, что Владимир Иванович отдал своему любимому детищу 47 лет жизни, что это труд целой жизни, труд, в котором воплотилась идея Даля. «Толковый словарь живого великорусского языка» неотделим от личности автора, здесь Даляр предстает как человек определенных взглядов на русский язык, на его сущность, пути его развития. К сожалению, у нас нет до сих пор полной научной биографии Владимира Ивановича Даля⁵, только недавно стали появляться

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 51, стр. 121—122.

³ В. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. «Читатель и писатель». 1928, № 2, стр. 1.

⁴ Вспомните, хотя бы, дискуссии последних лет и статьи, опубликованные в «Литературной газете» и «Литературной России».

⁵ Наиболее полная биография В. И. Даля была написана П. И. Мельниковым (Андреем Печерским) в значительной мере «на память», без сверки с источниками и тенденциозно (см.: «Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского)», 1897—1898, т. 1). Очень интересны воспоминания о В. И. Даля Я. К. Грота (СПб., 1873) и документальная работа «Владимир Иванович Даляр в Оренбурге» (Оренбург, 1913), составленная Н. Модестовым. (В очерке рассказывается о жизни Даля. По оренбургскому периоду использованы архивные материалы.) В последние годы двумя изданиями (1966 и 1969 гг.) вышла повесть М. А. Булатова и В. И. Порудоминского «Собирал человек слова» (книга для

работы, объективно анализирующие его знаменитый словарь⁶, почти нет исследований о Даля-литераторе⁷.

Основной идеей, которой В. И. Даляр следовал всю жизнь, была идея «народности». В понятие «народности» Даляр (как и многие его современники) вкладывал фактически два разнородных содержания: понятие «национального» («русское» противопоставлялось «иноzemному») и понятие «простонародного» («простой народ» противопоставлялся «образованному обществу»). Как выработалось у Даля такое понятие «народности»? Здесь нужно учитьвать и то своеобразное воспитание, которое получил будущий автор словаря в семье, и то положение крупного государственного чиновника, которое определяло во многом его взгляды в зрелые годы. Для Даля-литератора была характерна «русификация» русской литературы, на что указывали И. С. Тургенев, В. И. Чернышев⁸. При выяснении идейной позиции В. И. Даля необходимо учитьвать, что, с одной стороны, он был известен как народолюбец, преданный «мужику», крестьянству, с другой — как консервативный, а подчас даже реакционный чиновник. Именно В. И. Даля, к сожалению, принадлежит заявление о постепенном освобождении крестьян, так как «шумно и громко дела этого сделать нельзя или оно отзовется грозою, коей исхода никому не дано предвидеть»⁹.

учащихся). В 1968 г. издательство «Московский рабочий» выпустило научно-популярную книгу М. Бессараб «Владимир Даляр», которая цenna документальным архивным материалом, в значительной степени полученным у наследников автора словаря.

⁶ Наиболее значительными и цennыми работами, анализирующими деятельность Даля-лексикографа, являются: М. В. Канакова. В. И. Даляр как лексикограф. Тбилиси, 1958; В. И. Чернышев. Владимир Иванович Даляр и его труды в области изучения русского языка и русского народа (впервые опубликовано по рукописи в кн.: В. И. Чернышев. Избранные труды, т. I, стр. 384—439); см. также вступительные статьи А. Сухотина и А. Бабкина к переизданиям «Толкового словаря...» в 1935 и 1955 г.

⁷ Деятельности Даля-литератора посвящены статьи, вышедшие в основном в 20-е годы: Е. Баркова. Даляр как беллетрист. «Воронежский историко-литературный вестник», 1921, вып. 1, 2; В. Гофман. Фольклорный сказ Даля. Сб. «Русская проза». Л., 1926; С. В. Сергеева. В. И. Даляр как детский писатель. В кн.: «Материалы по истории русской детской литературы». М., 1927, вып. 1.

⁸ См.: В. И. Чернышев. Избранные труды. М., «Просвещение», 1970, т. I, стр. 388.

⁹ Текст из Докладной записки по крестьянскому вопросу (в связи с подготовкой реформы 1861 г.) Министру государственных имуществ М. Н. Муравьеву (см.: ЦГАЛИ, фонд 179, опись № 1; ед. хр. № 13, лист 1 оборотный) цитируется по кн.: М. В. Канакова. В. И. Даляр как лексикограф. Тбилиси, 1958, стр. 5.

Эта позиция была вызвана ложным представлением Владимира Ивановича о совпадении интересов помешиков и крестьян, «мужиков».

В. И. Даль ставил задачу «выработать из народного языка языки образованный», потому что «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной, разумной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженика». Именно это побудило выступить Владимира Ивановича против распространения грамотности среди крестьянства, видя в ней угрозу сложившемуся народному быту, народным обычаям, народной поэзии и прежде всего языку. В журналах «Русская беседа», «Отечественные записки» и в газете «С.-Петербургские ведомости» В. И. Даль напечатал ряд статей о народном просвещении, где заявил, что «грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит», «два ближайших к народу сословия, к сожалению, грамотные, подают этот гибельный пример, т. е. что грамота без всякого умственного образования и при самых негодных примерах почти всегда доводит до худа». В одной из статей автор восклицает: «Не проповедуйте грамоты как спасения, не приносите никаких жертв для всеобщего водворения ее: рано!»

Закономерно, что прогрессивная общественность России выступила с резкой критикой этих заявлений, вскрыв их реакционность. Так, в «Современнике» в 1857 г. было сказано: «Едва ли кто-либо из русских грамотных людей злоупотреблял грамотностью более того, чем злоупотреблял ею г. Даль (выученный грамоте, как он сам говорит, к сожалению) в печатных своих возгласах против грамотности. Но и такое образцовое злоупотребление грамотностью все-таки, вопреки мнению г. Даля, безвредно, потому что несправедливость странных убеждений г. Даля очевидна для всякого».

Как видим, многое во взглядах великого лексикографа наивно, подчас консервативно, даже вредно для прогрессивного развития России. Но не поняв этих противоречий в идеальных позициях Даля, не узнав хотя бы наиболее важных этапов его жизненного пути, невозможно понять и оценить «Толковый словарь живого великорусского языка», тот труд, который обесценил имя Владимира Ивановича.

II

В. И. Даль родился 10 ноября 1801 г. Отец будущего лексикографа, Иоганн Даль, датчанин по национальности, великодушно знавший немецкий, английский, французский, еврейский, латынь, греческий и русский языки, получивший в Йенском университете богословское и филологическое образование, был приглашен в Россию на должность библиотекаря. Однако через некоторое время юный полиглот покинул Петербург для получения в Йене медицинского образования, по завершении которого вновь вернулся в Россию, чтобы более из нее никуда не уезжать. С этого времени появился в России Иван Матвеевич Даль, сначала лекарь Кирасирского полка великого князя Павла Петрови-

ча, а затем, после удовлетворения ходатайства об увольнении из армии, лекарь горного ведомства на Луганском литейном заводе. В этом городе (Луганске) родился Владимир Иванович Даль.

Мать Владимира Ивановича Мария Фрайтак, немка по отцу и француженка по матери, происходила из скромного семейства. Бабушка В. И. Даля, происходившая из старинного французского рода де Маль, занималась переводами, многие из переведенных ею пьес шли в театрах, выходили отдельными изданиями. В семье Даля увлекались языками. Мария Даль в совершенстве владела немецким, английским, французским и русским языками, отец, как уже отмечалось, был полиглотом. Но при этом Иван Матвеевич Даль и его супруга сумели создать настоящую русскую семью, где все было чисто русским.

Не случайно в своих автобиографических записках, продиктованных незадолго до смерти, Владимир Иванович вспоминает завет, оставленный отцом сыновьям: «Гордитесь тем, что вы русские». Эти слова были сказаны в сурьёзные дни 1812 г. и повторены неоднократно. Эти слова стали определяющими в жизни В. И. Даля, который действительно считал себя русским во всем. Эти слова налагали на Даля, по его мнению, особую ответственность, требовали того, чтобы он служил России, русскому народу. Эти слова определили в дальнейшем во многом суть теоретических положений великого лексикографа.

Начальное образование дети И. М. Даля по принятому в большинстве семей обычая получили дома. Мать учila их русскому и иностранным языкам, отец проводил уроки словесности и истории, для обучения математике и рисованию были приглашены учителя мичманского училища.

1814 г. принес большие изменения в жизнь Владимира Даля — у него кончилось детство. В связи с тем, что И. М. Даль служил в Черноморской медицинской управе и ему было высочайше пожаловано дворянство, сыновья его могли учиться в Морском корпусе на казенный счет. Воспользовавшись этой привилегией, И. М. Даль отдал в корпус Владимира и Карла. Морской корпус считался одним из лучших учебных заведений России. Кадеты получали отличные знания по математике и другим точным наукам, имели хорошую практическую подготовку во время летней службы на кораблях. Вместе с Далем в корпусе учился Павел Нахимов, будущая гордость русского флота, Дмитрий Завалишин, принявший активное участие в событиях 1825 г. В Морском корпусе фактически впервые проявился интерес В. И. Даля к русскому языку, к слову. Д. Завалишин вспоминал в «Записках декабриста», изданных в 1906 г., что в годы учебы Даль составил словарь кадетского жаргона из 34 слов.

После окончания Морского корпуса в 1819 г. Даль был произведен в первый офицерский чин и направлен на службу в Николаев. Но морская профессия для него была невозможна (так как он страдал морской болезнью), и юному офицеру поручили надзор за арестантами.

По дороге к месту службы Даль записал, как вспоминает П. И. Мельников, от ямщика из Зимогорского Яма (в Новгородской губ.) неизвестное слово *замолаживать*, которое потом

вовшо в «Толковый словарь живого великорусского языка», правда, без пометы, что оно пришло Новгородской губернии¹⁰. Привлекшее внимание мичмана слово было полно и всесторонне растолковано с указанием места записи: «Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит: заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Начиная с этого времени, Даляр, где бы ни находился, никогда не расставался с записной книжкой и систематически пополнял ее областными словами, необычными фразеологическими оборотами, своеобразными народными речениями. При этом он указывал, от кого услышал слово или оборот, для какой губернии они характерны, что означают. Эти записки, которые в дальнейшем собираатель делал на отдельных полосках бумаги, разрослись до таких размеров, что через десять лет после первой записи «стали угрожать требованием особой для себя подводы», как отмечал сам В. И. Даляр.

В 1825 г. по окончании обязательной службы во флоте Владимир Иванович вышел в отставку. 20 января 1826 г. он поступил в императорский Дерптский университет на медицинский факультет. Один из его друзей и сокурсников Н. И. Пирогов, направленный после окончания медицинского факультета Московского университета в Дерпт для усовершенствования в науках, вспоминал: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даляр, все ему удавалось усвоить. Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии и, владея между многими способностями, необыкновенною ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором».

В Дерпте Даляр сблизился с Николаем Языковым. Здесь он впервые (в семье своего учителя, профессора Мойера) познакомился с В. А. Жуковским.

В 1829 г. после экзамена на докторское достоинство и защиты диссертации Даляр был возведен в звание лекаря и направлен в действующую армию в Турцию. «Кончив или почти кончив курс врачебных наук в укромному и зажетному приюте — в Юрьеве-городке,— пишет Даляр,— сел я и поскакал в поход на чуму, как там поговаривали».

После турецкой кампании В. И. Даляр принял участие и в польской кампании 1831 г. Именно здесь, при переходе Вислы, Даляр, дивизионный лекарь 3-го пехотного корпуса, проявил чудеса храбрости, находчивости и умения, о которых потом долго рассказывали очевидцы.

В 1832 г. В. И. Даляр — в Петербурге, в должности ординатора Санкт-Петербургского военно-сухопутного госпиталя, а через год — чиновник по особым поручениям при оренбургском губернаторе. За годы службы в Оренбурге он объездил почти весь край, выполняя поручения губернатора. Во время этих поездок Даляр, как и везде, где он бывал ранее, продолжал интересоваться бытом народа, собирая сказки, пословицы, поговорки, песни, слова, неизвестные народные выражения. Он становится истинным знатоком жизни русского народа. Не случайно Н. В. Гоголь в письме к А. М. Виельгорской от 29 октября 1848 г. писал: «Кстати не позабудь-

те, что вы мне обещали, всякий раз, когда встретите Даля, заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русского ума»¹¹.

Именно это глубокое и всестороннее знание народных обычая, языка народа, его сказаний и песен, сделало Владимира Ивановича своеобразным проводником Пушкина по Оренбургской губернии, когда Александр Сергеевич приехал туда, чтобы собирать материал для «Истории Пугачева». Будучи знакомым с Пушкиным по Петербургу, В. И. Даляр с радостью встретился с великим поэтом и несколько дней вместе с ним ездил по губернии, посещая станицы, связанные с историей пугачевского восстания. Впоследствии В. И. Даляр одним из первых откликается на призыв друзей написать воспоминания о Пушкине¹².

С оренбургским периодом жизни Даля связано еще одно знаменательное событие. Со своей стороны ему энергией Даляр принял участие в организации и создании местного музея, который был учрежден за два года до приезда Даля в Оренбург. Благодаря участию Даля, музей стал одним из лучших в России.

В Оренбурге Даляр создает «по вызову главного начальства над военно-учебными заведениями» учебники «Зоология» и «Ботаника», которые обратили на себя внимание тогдашней печати. Так, на учебник «Зоология» появился отзыв в «Отечественных записках», а на «Ботанику» рецензия в «Библиотеке для чтения», «Северном обозрении», «Сыне Отечества» и «Отечественных записках». Н. А. Добролюбов в отзыве на пособия «Уроки отечественной истории» Ходецкого и «Естественная история» А. Горизонтова, указывая на недобросовестное, без ссылок, использование учебников Даля, отмечает: «...г. Ходецкий не только заимствовал, но и плохо заимствовал описание г. Даля...»¹³. В рецензии, как справедливо отмечает В. И. Чернышев, «Н. А. Добролюбов признает в учебниках Даля большие достоинства изложения именно точность и выразительность научных описаний»¹⁴.

Этнографическая, историческая, научная и организаторская деятельность В. И. Даля по изучению края была отмечена научной общественностью. В 1838 г. его избирают членом-корреспондентом Российской академии по отделению физических наук.

В 1841 г. Даляр снова в Петербурге. Он начинает работать начальником особой канцелярии министерства внутренних дел. Даляр ревностно относился к службе, но, вместе с тем, не прекращал начатый труд по сбору народных речений. Молодой литератор В. М. Лазаревский, принятый в канцелярию, оказался единомышленником и помощником Владимира

¹⁰ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., 1952, т. XIV, стр. 93.

¹¹ См.: «Пушкин в воспоминаниях современников». М., 1950, стр. 453—464.

¹² Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. М.—Л., 1962, т. 5, стр. 423.

¹³ В. И. Чернышев. Избранные труды, т. I, стр. 400.

¹⁰ См.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). В. И. Даляр (В кн.: В. И. Даляр. Полн. собр. соч. М., 1897, т. I, стр. XVII).

Ивановича в работе над словарем. Из канцелярии, по указанию В. И. Даля, на места направлялись запросы лексикографического характера. «Пользуясь своим положением,—вспоминает Григорович о Дале,—он рассыпал циркуляры по всем должностным лицам внутри России, поручая им собирать и доставлять ему местные черты нравов, песни, поговорки и проч.»¹⁵. Разбор присылаемых материалов осуществлял В. М. Лазаревский. Ему же Даль поручил выборку слов, пословиц и поговорок из всех малороссийских книг, какие можно было достать.

Умело организовав работу в канцелярии, Даль поручал чиновникам разбор и переписку по алфавиту присланных материалов, сортировку их по губерниям. «За редким исключением,—вспоминает Лазаревский,—Владимир Иванович все это время [рабочий день.—Г. К.] посыпал лексикографическим изысканиям». В канцелярию поступали тексты сказок, пословиц, поговорок. Характерна записка В. И. Даля, посланная Лазаревскому: «Вчера был у меня сказочник мой, солдат Сафонов, и сказывал, что отдал 13 июня в канцелярию охапку сказок». «Самый воздух в канцелярии до того был насыщен русской филологией,—вспоминал Лазаревский,—что я скоро серьезно втянулся в это дело».

В Петербурге стали известны «четверги» Даля, на которые собирались друзья. Здесь бывали Н. И. Пирогов, К. М. Бэр, исследователь Новой Земли и Чукотки, Ф. П. Литке, прославленный географ и мореплаватель, Ф. П. Врангель, нанесший на карту часть побережья Сибири, и многие другие известные ученые. На одном из «четвергов» было решено создать Русское географическое общество, составлено прошение, которое подписал и Даль. О характере бесед на «четвергах» можно судить по записке Даля Лазаревскому: «У Срезневского я был... в воскресенье вечером, в часу седьмом, он обещал быть у меня, также Сахаров, Надеждин, Григорович, Барановский, чтобы потолковать о словаре. Надеюсь вы придетете; заготовьте какие угодно вопросы в вашей части». Лазаревский добавляет об этом «четверге»: «С трудом пришли к некоторым соглашениям касательно плана работ по общему словарю».

Одним из первых циркуляров, разосланных Русским географическим обществом в 1846 г., был этнографический. В отчете общества за 1848 г. по вопросу о работе Даля над словарем сказано: «В словаре Даля большая часть слов суть бытовые, обиходные, употребляемые народом ежедневно. Важность этих слов для этнографии бесспорна: они касаются многих обычаяев народных, поверий, суеверий и проч., и весьма часто объясняют их... Часть материалов для упомянутых значительных работ извлек Даля из многочисленных ответов, полученных Русским географическим обществом с разных концов России на этнографический циркуляр, разосланный еще в 1846 г.»¹⁶.

В 1849 г. В. И. Даль решает оставить службу в столице и получает назначение в Нижний Новгород управляющим нижегородской удель-

ной конторой. Здесь он знакомится и близко сходится с П. И. Мельниковым, в дальнейшем — известным писателем Мельниковым-Перчерским, который в то время возглавлял нижегородский статистический комитет и находился постоянно в разъездах по губернии. Во время этих поездок Мельников собрал огромный материал по этнографии, истории, статистике края. Даль воспользовался этим материалом, чтобы уточнить границы распространения отдельных говоров. Следует отметить также, что Даль, постоянно общаясь с крестьянами, пополнял и уточнял свои записи. По просьбе Даля Мельников, совершая в 1852—1853 гг. экспедицию по краю, записывал говоры каждой деревни (экспедиция побывала в 3700 населенных пунктах).

В 1859 г. Даль решил выйти в отставку, чтобы спокойно и систематически работать над словарем. К этому времени уже многое было сделано. «Если оренбургский период... жизни ознаменовался осознанием цели и задач составления словаря из накопившегося материала, если в петербургский период Даля пополнил и расширил собранный материал, то в нижегородский период он окончательно подготовил словарь на буквы А — П для печати»¹⁷.

Работа над завершением труда всей жизни была огромной. П. И. Мельников вспоминал: «В Москве... (Даль) работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто бывало гвардия: «Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду»¹⁸. Несколько лет ушло на издание словаря, уточнение отдельных словарных статей, чтение корректур, количества которых порой доходило до 14!

После выхода всех томов словаря Даля продолжал его дополнять и уточнять. Тяжело больным, за неделю до смерти, он просил дочь внести еще четыре, услышанные от прислуги, слова. Умер В. И. Даль 22 сентября 1872 г.

Все, что ни делал Владимир Иванович Даляр, было подчинено созданию словаря народного русского языка.

III

В 1832 г. появилась книга «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому прикоровленные и поговорками ходящими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». Это было первое выступление Даля-писателя.

Владимир Иванович постоянно сочинял рассказы из народной жизни, обрабатывал сказки, услышанные в разных местах России, создавал повести, в значительной степени автобиографические. Он преследовал цель, как писал в статье «Полтора слова о русском языке», «познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором...».

В. И. Даль выступил как писатель в то время, когда отшумели споры карамзинистов и шишковистов, когда Пушкин своим творчес-

¹⁵ Цит. по книге: М. В. Канкова. В. И. Даль как лексикограф. стр. 63.

¹⁶ М. В. Канкова. Указ. работа, стр. 60.

¹⁷ П. И. Мельников. В. И. Даль, стр. LXXI.

¹⁸ Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., 1961, стр. 104.

вом закрепил нормы литературного языка. Однако В. И. Даль исходил из положения, что русский литературный язык еще не сложился и объяснял это тем, что настоящему языку учиться негде: «Но где же нам учиться по-русски? Из книг не научиться, потому что они писаны не по-русски, в гостиных и салонах наших — подавно... Если в книгах и в высшем обществе не найдем, чего ищем, то останется одна только кладь или клад — родник или рудник — ...живой язык русский, как он живет поныне в народе...». Даль предлагал: «Изучить язык народный, а от него уже идти далее». Пропаганде народного языка и были посвящены его сказки и рассказы. В. Г. Белинский писал о них: «Господствующая наклонность, симпатия, любовь, страсть его таланта... заключается... в русском человеке, русском быте, словом — в мире русской жизни... Не знаем, потому ли он знает Русь, что любит ее, или потому любит ее, что знает; но знаем, что он не только любит ее, но и знает... Он любит ее в корни, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого *крестьянином* и *мужиком*. И — боже мой! — как хорошо он знает его натуру! он умеет мыслить его головою, видеть глазами, говорить его языком»¹⁹.

Сказки были хорошо встречены Пушкиным и Жуковским, Гоголем и Тургеневым.

Для произведений Даля характерна некоторая стилизация. Язык их подчас грубоват, автор подделывается под народный слог, часто злоупотребляет эпитетами, прибаутками. Так, например, в сказке «Ночь на распутьи, или Утро вечера мурдене». Старая бывальщина в лицах читаем: «Постой, тебе говорят, дупло трухлявое, слушай меня: коли ты межеумок, так стало быть есть в осиновой голове твоей с пол-золотника сердцевинки; ум не ум, а хоть так, небольшой прожилок помягче кости...»

Автор иногда употребляет слова не в том значении, в котором они приведятся в Толковом словаре. Ср.: «Старший брат, авось... этот *ветрогон*, такой *словорез*, что наговорит тебе с три короба, а поцупай рукой — ничего нет, словно одни мыльные пузыри» (в Словаре: *ветрогон* — ветреник, вертопрах; *словорез* — резчик на меди, гравер). В приведенном отрывке слова *словорез*, *ветрогон* обозначают болтуна, пустомелью.

В произведениях «Мичман Поцелуев», «Вакх Сидоров Чайкин», «Павел Алексеевич Игриный» Даль использует простонародную лексику довольно широко. Можно отметить хотя бы такие слова, как *пядень* (ладонь), *пропойное общество*, *погулок* (встречка), *бутылочная храбрость*, *просадок* (аллея), *бездетники*, *домовины* (домашний) и др.

Рассказы и истории, собранные в сборниках «Солдатские досуги» и «Матросские досуги», написанные в грубоватой манере псевдонародной солдатской речи, повествуют об отцах-командирах, о необходимости послушания начальству земному и небесному, о подвигах русской армии и флота, о бравых солдатах и матросах. Не удивительно, что Т. Г. Шевченко, познавший солдатчину николаевской России, не

попуствовав языковых задач, поставленных автором перед собой, с возмущением писал в дневнике: «Казак Луганский написал книгу под заглавием «Солдатские досуги». Заглавие ложное. У русского солдата досуга не имеется... Какая же, спрашивается, была цель прославленного сочинителя писать подобные досуги?.. А не лучше ли бы сделал почтеннейший автор сих ненужных фантастических досугов, если бы написал истинные досуги линейных, армейских и даже гвардейских молодых офицеров?»

Творчество Даля-писателя прежде всего интересно как творчество этнографа и диалектолога. Именно эту мысль отчасти отразил в своей статье В. Г. Белинский; об этом же, но более четко сказал И. С. Тургенев в рецензии на повести, сказки и рассказы Казака Луганского: «Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев. Когда, лет десять назад, появились первые рассказы Казака Луганского — они обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов. Нельзя было признать в них особенного художественного достоинства со стороны содержания, но своим неподдельным и свежим колоритом они резко отличались от пошлого балагурства непризнанных народных писателей»²⁰.

Этнографические, диалектологические, лингвистические познания Даля проявились и в статье «О наれциях великорусского языка» в Словаре «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (2-е изд.— 1880), где автор дает тонкий и глубокий анализ природы многих суеверий и поверий на Руси, разъясняет отдельные литературные тексты, в которых отражены эти поверья. Нельзя не отметить также сборник «Пословицы русского народа», превосходящий другие подобные издания богатством материала (более 30 тыс. пословиц, поговорок, метких слов, присловий) (переиздан в 1957 г.). В Толковом словаре многие из этих пословиц использованы в качестве примеров.

В статье «О нарециях великорусского языка» В. И. Даль предстает как выдающийся диалектолог. А. А. Шахматов, говоря об исследований по русской диалектологии, отмечал: «Даль в своей статье дал замечательное по полноте и точности описание современных великорусских говоров в их грамматическом и лексическом составе»²¹. По следам Даля пошли А. И. Соболевский, создавая «Опыт русской диалектологии», Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов, работая над «Опытом диалектологической карты русского языка в Европе».

Как видим, все, что написано Далем до выхода Толкового словаря, является «приготовительной работой к делу, которым он завершил свою деятельность на пользу языка» (Я. К. Грот).

IV

«Толковый словарь живого великорусского языка» — один из самых капитальных, автори-

¹⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1956, т. X, стр. 80.

²⁰ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. М.—Л., 1960, т. 1, стр. 299.

²¹ А. А. Шахматов. Русский язык. Статья в «Энциклопедическом словаре». Изд. Брокгауза и Ефрона, т. 28, стр. 580.

тетных источников нашей лексикографии. Первый исследователь этого замечательного труда Даля Я. К. Грот писал: «Можно с уверенностью сказать, что никакой другой труд не был бы приветствован самим Ломоносовым с такою задушевною радостью, как именно словарь, поставивший себе задачей обнять все неисчерпаемое богатство русского языка и содействовать чистоте его»²².

Толковый словарь Даля является энциклопедией русского быта, русской жизни, отразившихся в речи. Как отмечает А. М. Бабкин, «Словарь Даля далеко выходит за пределы, которые ограничивают обычные филологические словари: он объясняет и предметы, характеризующие русский народный быт, и поверья, и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарем, а также дает множество других этнографических сведений. Толкуя то или иное слово, Даляр подбирает множество синонимов... показывает безграничные словообразовательные возможности русского языка»²³.

Без сведений словаря Даля немыслимо теперь изучение русского языка XIX в., невозможно полностью понять развитие литературы этого периода. Труд Даля — «своеобразная энциклопедия народной жизни половины XIX в.»²⁴.

Вскоре после выхода словаря все увидели, сколь ценен труд Владимира Ивановича, как много он дает русскому человеку, русской науке. Русское географическое общество удостоило словарь золотой медали, Академия наук присудила Ломоносовскую премию и избрала В. И. Даля почетным членом, Общество любителей российской словесности также избрало Даля, как автора Словаря, своим почетным членом, Дерптский университет присудил ему премию Геймбюргера. Ученые многих стран писали Даля, советуясь с ним по проблемам языка. Характерно письмо Даля к историку Погодину: «Филолог славянист Шлейхер, в Геттингене, писал мне через акад. Шифнера, что вскоре напечатает разбор моего словаря, передали мне также, что какой-то весьма ученый филолог, профессор в Оксфорде, занимается рассмотрением словаря и уже три письма написал Ю. Самарину, требуя скорейшей высылки последних тетрадей».

«Толковый словарь живого великорусского языка», конечно, появился не на пустом месте. Русская лексикография ко времени появления словаря располагала такими фундаментальными справочниками, как «Словарь Академии Российской», «Словарь церковнославянского и русского языка», «Опыт областного великорусского словаря» и др. Все эти материалы Даляр переработал и пополнил, по его подсчету, 80 тыс. собранных им слов. В результате возник словарь, включающий более 200 тыс. слов. Особенно ценными в словаре Даля являются слова, связанные с ремеслами, промыслами,

²² Я. К. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1899, стр. 45.

²³ А. М. Бабкин. Толковый словарь В. И. Даля. В кн.: В. И. Даляр. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, стр. VII.

²⁴ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в. М., 1938, стр. 427.

народной медициной, естествознанием. Это не случайно. Как отмечает В. И. Чернышев, «совмещение в одном лице знатока народной словесности, выдающегося этнографа, известного писателя-беллетриста, медика, ученого-естествоведа, диалектолога, лексикографа и лексиколога, наконец, лица, работавшего на разных поприщах государственной службы, военно-морской и гражданской, большую часть имеющего близкое отношение к народным массам в разных местах старой России — такое совмещение было явлением совершенно исключительным и как нельзя более благоприятным для успешного выполнения... монументального памятника — Толкового словаря живого великорусского языка»²⁵.

В основу словаря Даля в соответствии со своей идеей положил народный язык. Это нашло отражение в пояснении, помещенном на титуле: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова: живого великорусского языка, указывают на объем и направление всего труда». Даляр смотрел на свой труд как на своего рода справочник, способствующий в работе литературистического языка. Составитель не ограничивался фиксацией того или иного слова, а пытался «развить наперед законы словообразования, разумно обняв дух языка».

Исходя из своего отношения к иноязычным заимствованиям, Даляр формально не закрывал доступ «чужесловам», но указывал, каким русским «стождеством» его можно заменить (подчас приводя слова своего изобретения) или иронизировал по поводу этих слов и выражений (так, пример на слово роль «он тут играл важную роль» сопровождается замечанием: «оборот дурной, не русская речь»). В конце статьи обыденный Даляр отмечает: «ныне в обычай писать *обыденный* вместо *обиходный*, двое ученых перевели книгу, озаглавив ее: «Физиология обыденной жизни», т. е. жизни обыденки... тогда как они хотели сказать: обиходной). Вводились в словарь и широко употребительные церковнославянismы.

Словарь построен по алфавитно-гнездовому принципу, что давало возможность, по мнению автора, вскрыть взаимосвязь между словами. Во главе «гнезда» ставится имя или глагол. Толкование слов производится в большинстве случаев путем подбора группы синонимов и слов, более или менее сходных по значению. Даляр писал по этому поводу: «При объяснении и толковании вообще избегались сухие бесплодные определения, порождения школьства, по-техе зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлеченностью... Общие определения слов и самых предметов и понятий дело почти не исполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее».

Как видим, словарь в целом был хорошо продуман и отражал взгляды составителя на русский язык и пути его развития. Но не следует забывать и о недостатках словаря. Не вдаваясь в полный и всесторонний анализ, отметим

²⁵ В. И. Чернышев. Избранные труды, т. I, стр. 402—403.

наиболее существенное. Словарь, как отметил В. И. Ленин, является областническим. При пользовании им в наши дни нужно помнить, что он значительно устарел. Русский язык со временем создания Словаря изменился, в нем произошли большие сдвиги, особенно после Октября. Кроме того, не будучи филологом, Даляр подчас неправильно строил «гнезда», не всегда удачно подбирал синонимы для толкования, не все пословицы и поговорки, иллюстрирующие употребление слова, ясны читателю.

Но все это не умаляет значение словаря, не мешает ему занимать почетное место в истории русской культуры, русской лексикографии. Как справедливо отмечает Ф. П. Филин, «пос-

ле выхода в свет... словаря Даля сопирание диалектной лексики русского языка развернулось с еще большей интенсивностью»²⁶. В. В. Виноградов писал: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком»²⁷.

²⁶ Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, стр. 6.

²⁷ В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. «Уч: зап. МГУ», вып. 106, 1946, стр. 73.

(Продолжение. Начало см. на стр. 100.)

Термин *матч-реванш* стал употребительным в русском языке после матча на первенство мира между А. Алехиным и М. Эйве в 1937 г. В шахматной литературе того времени этот термин употреблялся со склонением обоих компонентов: ...Этого хода Алехин больше не повторил в матче-реванше... («Шахматы в СССР», 1938, № 3). Когда в конце 1937 г. я прокомментировал две партии матча-реванша... я заметил, что мои комментарии отличаются от ранее опубликованных (М. Ботвинник. Матч-реванш Алехин — Эйве. М.—Л., 1939).

В 1941 г., когда в СССР был впервые проведен турнир на звание абсолютного чемпиона СССР, получил распространение термин *матчтурнир*. Он сразу стал употребляться с несклоняемым первым компонентом: В матчтурнире исключены элементы случайности, которые неизбежны в обычном соревновании,— все участники этого турнира будут поставлены в одинаковые условия борьбы... Проведение матчтурнира предъявляет высокие требования к его организаторам («Шахматы в СССР», 1941, № 3). Очень интересна игра занявшего третье место гроссмейстера Смылова — очень молодого участника матчтурнира... (П. Романовский. Матчтурнир шести. «Шахматы в СССР», 1941, № 6).

В связи с частым проведением в шахматных состязаниях матчевых турниров составной термин *матчтурнир* стал довольно широко упо-

требительным. Вероятно, под его влиянием возникло колебание в склонении первого компонента в термине *матч-реванш*, внешне сходном с термином *матчтурнир*. Любопытно, что единственная форма употребления составного термина *матч-реванш* иногда не соблюдалась даже в одной и той же статье: Анализировать результаты матча-реванша необходимо в сравнении с прошлогодним матчем... В матче-реванше было сыграно много замечательных партий... Партии матча-реванша являются ярким доказательством неисчерпаемых возможностей шахмат («Шахматы в СССР», 1958, № 6). Как быть с матч-реваншами... Представим себе, что после матча Алехин — Эйве 1935 года не было бы матча-реванша 1937 года («Шахматы в СССР», 1961, № 3). Десятая партия матча-реванша была отложена с лишней пешкой у Ботвинника («Правда», 12 апреля 1961 г.).

Как известно, после 1961 г. право экс-чемпиона мира на матч-реванш было отменено Международной шахматной федерацией. Но термин *матч-реванш* продолжает жить в языке. Примеры последних лет из газет, журналов и книг по шахматам показывают, что форма с несклоняемым первым компонентом не только закрепилась в языке как более «экономная», но и стала преобладающей. Показательно, что в «Шахматном словаре» этот термин употребляется только с несклоняемым первым компонентом (см.: «Шахматный словарь». М., 1964, стр. 159, 160 и др.).